

Б. Психологические причины возникновения

ГЛАВА I. Общее право делегировать

Делегирование ведет к возникновению у представителя ощущения морального права на делегированную ему власть. Избранные однажды остаются на своем посту навсегда, если только им не помешают строгое соблюдение уставов или чрезвычайные обстоятельства. Их избрание для достижения конкретной цели превращается в пожизненное назначение. Привычка становится правилом. Лидер, избираемый регулярно на протяжении определенного времени, воспринимает делегируемую ему на время власть как свою собственность. Если в какой-то момент ему будет в этом отказано, он тотчас начнет угрожать репрессивными мерами, среди которых самая безобидная – прошение об отставке. Его товарищи по партии, таким образом, оказываются в полнейшем замешательстве. Это замешательство, однако – ниже будет объяснено почему, – почти всегда заканчивается победой лидера партии.

Прошение об отставке, если оно не подписано добровольно и не является выражением разочарования или негодования (непринятие кандидатуры в бесперспективных округах), в большинстве случаев служит средством захвата, сохранения и укрепления власти. Даже в больших политических организациях лидеры часто обращаются к использованию этой хитрости, разоружая своих противников благоговейным почтением, которое не лишено привкуса благочестивой демократии. Противник вынужден проявлять в ответ еще большее почтение, особенно когда лидер, использующий этот метод, действительно незаменим или рассматривается массами как незаменимый. История прусско-немецкого государства богата примерами того, как эффективен этот макиавеллиевский прием для сохранения власти. В сложное время перехода от династии к династическому конституционализму, связанному с именем Лудольфа Кампгаузена, король Пруссии Фридрих Вильгельм IV, каждый раз чувствуя превосходство чуждых ему либеральных идей над романтически-консервативными, грозился отречением от престола. Эти угрозы ставили либералов перед сложным выбором: отречение короля означало бы воцарение принца Вильгельма Прусского, известного своими радикально реакционистскими настроениями, а значит, и угрозу революционных восстаний среди низших слоев населения; сохранение королевской власти означало бы вынужденный отказ от всех либеральных устремлений. Таким образом, Фридриху Вильгельму удавалось стоять на своем и разбивать все планы своих оппонентов [70]. Приблизительно 35 лет спустя князь Бисмарк, настаивая на той же необходимости, обеспечил себе единоличную власть над объединенной Германской империей за счет того, что бесконечно обращался к королю Вильгельму I с прошениями об отставке. Как только

пожилой король пытался высказать собственную волю, Бисмарк умирал его рассказами, в какой хаос погрузится империя в вопросах внешней и внутренней политики с отставкой ее основателя, а королю уже не по плечу справиться с ними в одиночку[71]. Нынешний президент Бразильской республики обязан своим положением тем же самым угрозам, которые он высказывал, еще будучи министром[72].

И так во всех политических партиях. Когда Фальтайх выносил свои предложения по реформированию партийного устава и вызвал этим гнев президента Лассалья, тот, осознавая собственную незаменимость, тут же поставил весь союз перед выбором: либо вы избавите меня от претензий подобного рода, либо я уйду[73], тем самым ему удалось с легкостью избавиться от неудобной критики. Те же методы использовал и современный голландский Лассаль – Трульстра, – в итоге подчинив себе всю партию. Ссылаясь на то, что лучше бы он посвятил себя личной жизни, он то и дело отказывался продолжать работу в партии, говоря, что устал от бесконечных партийных споров, которые противоречат его идеализму[74]. В партийной истории итальянского социализма угрозы отставки также стали обычным делом: как только чьи-то личные взгляды на важные политические вопросы, например отношение к всеобщей забастовке, переставали совпадать со взглядами партийного большинства или если одного чиновника не устраивали результаты голосования партийного совета. Иногда угрозы заканчивались реальными увольнениями, в таких случаях на народном голосовании отставной кандидат избирался заново, при этом он позиционировал себя единственным компетентным представителем власти и, таким образом, снова оказывался восстановленным в правах[75]. Этот только на первый взгляд демократически прекрасный жест на самом деле скрывает породивший его дух авторитаризма. Лидер, который выносит на голосование вопрос о доверии ему, как кажется, полностью рассчитывает на доверие своих избирателей, но на самом деле он оказывает на них давление и убеждает в собственной мнимой или действительной незаменимости, с которой их принуждают смириться [76]. Руководители редко признают, что своими угрозами отказа от должности они преследуют конкретную цель – завоевать безраздельную власть над массами[77]. Если верить их словам, такое поведение доказывает их верность духу демократии, тонкое чутье, порядочность, внимание к голосу масс. Хотя на деле это лишь олигархическое присвоение воли масс.

ГЛАВА II. Потребность масс в лидере

Весьма талантливый (хоть и непризнанный) французский драматург, который в свободное время занимался прозаическим изложением серьезных социальных проблем, Александр Дюма-сын однажды заметил, что любую прогрессивную идею на раннем этапе ее формирования не принимают 99 % людей. «Но, – продолжает Дюма, – это не имеет никакого значения, поскольку одна сотая, к которой принадлежим мы, с самого начала провела все реформы для девяноста девяти других, и они остались довольны, но тем не менее продолжают протестовать против реформ, что еще только предстоит провести». Далее Дюма добавляет: «Большинство – всегда свидетельство того, что есть», в то время как «меньшинство – это семена того, что будет» [78].

Не будет преувеличением сказать, что количество людей, обладающих гражданскими правами и стремящихся к всеобщему благу, очень невелико. Для большинства взаимосвязь между личным и всеобщим благом не слишком очевидна. Большинство не осознает, как на состояние их собственных дел, их благополучие и жизнь влияют дела организации под названием «государство». Как остроумно отмечает Токвиль, их куда больше волнует «строительство дороги рядом с его земельным наделом» [79], а до общего устройства государственного управления или вопросов, которые решаются от их имени, им нет дела. Большинство вместе со Штирнером кричат государству: «Отойди, загораживаешь солнце!» Штирнер иронически насмехается над всеми, кто вслед за Кантом верит, что людям нужно рассказать о «священном долге» участия в делах государства. «Пусть занимаются политикой те, в чьих интересах перемена существующих порядков. “Священная обязанность” никогда не понуждает людей размышлять о государстве, так же как по “священной обязанности” никто не начнет заниматься наукой или искусством и т. д. Один только эгоизм может их к тому понудить, и эгоизм окажет свое действие, если обстоятельства значительно ухудшатся» [80].

Те же тенденции наблюдаются и в жизни современных демократических партий.

В принятии партийных решений участвует меньшинство, причем порой ничтожно малое меньшинство. Важнейшие решения, принимаемые от имени всей демократически настроенной партии, зачастую исходят от горстки ее членов [81]. Безусловно, отказ воспользоваться своими демократическими правами – решение добровольное, за исключением тех случаев, когда непричастность организованных масс к принятию решений (а это не такой уж редкий случай) вызвана географическими или топографическими препятствиями. В целом можно сказать, что ключевые решения принимаются городской частью организации, в то время как участие региональных членов в жизни партии ограничивается исполнением простых партийных обязанностей (оплата членских взносов, голосование в пользу выдвинутых городскими коллегами кандидатов). Здесь наряду с локальными взаимоотношениями играют роль и потребности тактического толка. Городские массы преобладают над региональными – это побочный продукт потребности быстрого принятия и исполнения решений, о которой мы говорили в предыдущей главе.

В больших городах в процессе спонтанной селекции выделяется узкий круг регулярных посетителей партийных собраний, тех, кто принимает непосредственное участие в принятии организационных решений. Он формируется из сознательных и склонных к привычкам людей, напоминающих церковных святош. Во всех странах этот круг довольно узок. Большинство членов политических партий относятся к партии с таким же безразличием, с каким большинство избирателей относятся к парламенту [82]. Особое отвращение – даже во Франции, стране с самой долгой историей политической культуры масс – они испытывают к решению административных и тактических вопросов, требующих постоянного контроля. Решение этих вопросов партийное большинство с радостью передает узкому кругу завсегдаев политических собраний. Большая борьба руководителей за умы (тактика) и власть внутри партии – марксизм, ревизионизм, синдикализм – не то чтобы непонятна им, скорее она вовсе им безразлична. Почти в любом государстве мы наблюдаем, как организованные партией собрания, на которых обсуждаются актуальные, сенсационные или животрепещущие темы – таможенные пошлины, жалобы на руководителей государства,

русская революция – или, напротив, слишком общие темы – исследование Северного полюса, вопросы гигиены, спиритизм, – вызывают куда больше интереса, чем те, на которых обсуждаются тактические или организационные внутренние вопросы, напрямую касающиеся партийной жизни[83]. Широкие партийные массы появляются на таких собраниях, только если им обещают выступление большого оратора, или если их привлекут громкими лозунгами «Долой хлебные спекуляции!», «Долой единоличную власть!», или же когда речь идет о научно-популярном докладе, приправленном движущимися картинками, волшебным фонарем или даже кинематографическими изображениями, так радующими глаз и привлекающими столько внимания[84] .

К этому стоит добавить еще кое-что: всегдашние партийных собраний, особенно в небольших городах, – это, как правило, не пролетарии, не те, кто рано ложится спать, кто изможден работой, но всевозможные мелкие бюргеры, продавцы газет и открыток, коммивояжеры, молодые и пока безработные интеллектуалы, которым доставляет особую радость оригинально называться пролетариями, представителями класса будущего[85].

Жизнь партии очень напоминает государственную жизнь. В обоих случаях сдерживающим фактором является налогообложение, а не выборы. Существует избирательное право, но не существует обязанности избирателей. До тех пор пока вторая не заменит первое, есть вероятность, что лишь меньшинство сможет пользоваться правами, от которых добровольно отказывается большинство, и будет диктовать свои законы индифферентной массе. Так административная партийная жизнь в большинстве демократических политических организаций превращается в лестницу. На первой широкой ступени находятся региональные избиратели. Над ними ступень несоизмеримо меньшего размера, она составляет 1/ю или даже 1/30 от первой – на ней разместились региональные партийные члены. Выше еще меньшая группа регулярных посетителей партийных собраний. Над ними – группа функционеров, а еще выше (зачастую разделяющие обязанности с последними) – полдюжины членов исполнительного комитета. Объем власти находится в обратной пропорции к численности группы.

Большинство радуется, когда находятся люди, готовые вести за них все дела. Потребность в управлении, зачастую связанная с культом героев, безгранична среди масс, в том числе организованных масс рабочих партий. Всеобщий мизантропизм, о который в истории разбилось столько реформ, сейчас только растет. Его причины кроются во все более сложном разделении труда современной культурной жизни, а также в непрозрачности запутанных государственно-политических процессов. Непреодолимые различия в формальной структуре отдельных частей партийной системы особенно сильно ощущаются в народных партиях, что только усиливает потребность масс в управлении.

Эта растущая потребность обнаруживает себя во всех демократических партиях Европы, даже несмотря на незначительные национальные различия между ними, обусловленные индивидуальными историческими или национально-психологическими факторами. Немецкому народу, из которого ни в коем случае не следует исключать немецкий рабочий класс, присуща особенно сильная потребность в управлении, и потому они с точки зрения психологии – плодороднейшая почва для возникновения могущественной власти. Для этого у них уже есть все необходимое: психическая предрасположенность к подчинению, большие

способности к дисциплине, одним словом – богатое наследие прусской муштры со всеми ее недостатками и достоинствами. Не следует забывать и об абсолютном доверии к авторитету, которое зачастую оборачивается неспособностью к критическому мышлению[86]. Исключение в этом отношении составляют только жители Рейнской области [87]. Эту странную черту характера, угрожавшую духу демократии, в теории опознал Карл Маркс, когда предостерегал немецких рабочих от слишком строгого понимания партийной системы, притом что сам он был прирожденным партийным лидером и обладал всеми необходимыми для этого качествами. В письме Швейцеру, посвященном этой теме, Маркс пишет: «...в Германии, где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство <...> его нужно прежде всего приучать к самостоятельности»[88] .

Политический абсентеизм масс в мирное время при определенных условиях может стать серьезным препятствием для руководства партии на пути к распространению своего влияния. Массы могут сбросить своего руководителя, в тот момент он решится приступить к активным действиям. Это относится к инсценировкам так называемых демонстраций. Во время партийного съезда австрийских социал-демократов в Зальцбурге в 1904 году доктор Элленбоген жаловался: «Я объясняю вам, я постоянно боюсь, когда партийное руководство предпринимает какие-либо действия. Невозможно вызвать интерес рабочих даже к тому, что они, казалось бы, должны осознавать. Мы обнаружили, что даже собрать хотя бы половину партии по вопросу критики военной программы решительно невозможно»[89]. Когда в Саксонии в 1895 году был принят закон о сокращении избирательного права, который ущемлял в правах сотни тысяч рабочих, лидеры социал-демократов безуспешно пытались мобилизовать движение за сохранение избирательных прав. Их попытка разбилась о безразличие масс. Пресса пестрила мобилизующими лозунгами. Разошлись миллионы листовок. В течение буквально двух дней были организованы полторы сотни митингов протеста. Но все впустую. Массовое движение так и не началось. Собрания, особенно в небольших городах, никто не посещал[90]. Руководители – как центральный комитет, так и региональные агитаторы – были в ужасе от спокойствия и безразличия масс, сломавших всю агитационную работу [91]. Абсентеизм стал результатом роковой ошибки руководства. Рядовые члены партии не ощущали важности потери, которая им грозила, потому что руководители не смогли внятно разъяснить им ее последствия. Массы настолько привыкли к управлению сверху, что руководители сначала должны были подготовить их к активным действиям. На неожиданные призывы со стороны руководства массы не реагируют.

Имманентное бессилие масс проявляется самым очевидным образом, когда в ходе битвы они лишаются своего лидера и в суматохе бегут с поля боя. Как муравьи возле разрушенного муравейника, массы лишены инстинкта реорганизации, им сразу необходимы новые предводители, которые смогли бы заменить собой потерянных. Провал многочисленных разогнанных забастовок и канувших в Лету политических движений объясняется очень просто: правительство своевременно позаботилось о том, чтобы революционные лидеры оказались за решеткой[92]. Из этого наблюдения родилась теория, что подобные движения – не что иное как искусственная поделка кого-то одного: так называемого подстрекателя и провокатора – и потому достаточно подавить одного, чтобы справиться со всем движением. Такая точка зрения стала особенно популярной в некоторых кругах узколобых

консерваторов. Однако это лишь еще раз доказывает, что они совершенно не понимают внутренней природы масс. За редким исключением в таких движениях все происходит естественно, а не искусственно. Естественно прежде всего само движение, на вершине которого находится руководитель, который к тому же вступает в эту борьбу не по собственной воле, а подчиняясь воле обстоятельств. Столь же естественна и гибель движения, когда масса лишается своего руководителя.

Потребность массы в руководстве, ее неспособность действовать без инициативы извне и сверху ложатся тяжелым бременем на руководителя. Лидеры современных демократических партий ведут вовсе не паразитическое существование. Их должность – вовсе не синекура. Им приходится дорого платить за свою власть. Вся их жизнь отмечена бесконечным усердием. Усердная, последовательная, непрерывная агитационная работа социал-демократической партии, не пасующая перед неудачами, не останавливающаяся на достигнутом, успех которой не повторила пока ни одна другая партия, по праву вызывает восхищение со стороны ее критиков и оппонентов [93]. Деятельность профессиональных руководителей демократических союзов в высшей степени утомительна, физически изнурительна и, несмотря на разделение управленческого труда, очень сложна [94]. Они причастны ко всему, и, даже если хотели бы снять с себя часть обязанностей, их руки связаны. Претензии, которые им предъявляют, не имеют конца. Потребность масс в талантливых ораторах и громких именах – а в отсутствие последних хотя бы в депутатах, – не знает границ. На всех праздниках и юбилеях, которые так по душе демократическим массам, на предвыборных собраниях и празднованиях годовщин, со всех сторон на руководителей партии сыплются однотипные просьбы: пришлите нам депутата [95]. Наряду с этим руководители партии отягощены и литературной работой самого разного рода, и, так как все они разбираются в праве, они обязаны вести многочисленные судебные процессы, касающиеся дел партии. Высшее партийное руководство весьма отягощено своим почетным положением [96]. Аккумуляция функций – характерная черта всех современных демократических партий. В немецкой социал-демократической партии не редка ситуация, когда ее руководитель одновременно исполняет обязанности члена городского совета, члена земельного парламента и депутата рейхстага и при этом руководит газетой, профсоюзом или обществом взаимопомощи. То же самое мы наблюдаем в Бельгии, Голландии, Италии [97]. Из этого возникает слава и уважение по отношению к руководителю, его власть и влияние на массы крепнут: он всегда будет им необходим – но в этом же причина усталости, гнета и беспокойства, а для тех, кто не так силен, – ранней, преждевременной смерти [98].

ГЛАВА III. Благодарность масс

Наряду с безразличием масс возникновение феномена политического лидерства обязано еще одному, отрадному с этической точки зрения моменту – благодарности масс к выступающим от их имени, к тому, кто зарекомендовал себя их защитником и поверенным, а также к тому, кто всячески страдал в роли партийного представителя масс. В то время как экономически незаменимое большинство партии, занимаясь своими повседневными делами, чувствовало себя в безопасности, они во славу всеобщей идеи часто подвергались преследованиям, гонениям и тюремному заключению [99].

Эти люди, снискавшие славу великомучеников, за свою самоотверженную работу требовали от масс лишь одной награды – благодарности[100]. Выражение этого требования можно найти и в партийной историографии [101]. Массы тоже чрезвычайно щедры на благодарность [102]. Если история от случая к случаю и предоставляет нам исключения из этого правила и массы оказываются переполнены черной неблагодарностью к ими же избранному руководителю, то можно быть уверенным: в основе этого процесса – драма ревности, ожесточенная, упрямая, демагогическая битва одного лидера против других, в результате которой одна партия захватывает власть над массами и принуждает их к «неблагодарности» к остальным партиям. Если не принимать во внимание эти сложные исключения, то зачастую массы переполнены благодарностью к своим предводителям и считают это своим «священным долгом»[103]. На практике этот священный долг проявляется только в том, как благодарное большинство до бесконечности передает право представительства человеку, к которому оно испытывает благодарность, другими словами, постоянно ставит его выше себя. Это весьма распространенная среди масс точка зрения: было бы ужасно «неблагодарно» заменить «заслуженного» руководителя новым[104].

ГЛАВА IV. Потребность масс в благоговении

Часто демократические и народные – социалистические – партии так тесно отождествляют себя со своим лидером, что становятся его собственностью и принимают его имя. Так, в Германии в 60-е и в начале 70-х годов XIX века были лассалианцы и марксисты или в социалистической Франции практически до сих пор существуют бруссисты, аллеманисты, бланкисты, гедисты, жоресисты[105]. Однако эти личные наименования сегодня встречаются не так часто или, как в Германии, вовсе не используются по нескольким причинам. С одной стороны, количество членов партии и количество избирателей постоянно растут, партия становится все более массовой. С другой стороны, это связано с тем, что внутри партии царят олигархия и ревность ее лидеров друг к другу, которые возникают на месте упраздненной единоличной диктатуры, и в итоге сегодня в партиях попросту не найти сильных, выдающихся личностей [106].

Английский социальный антрополог Фрэнк Фрэнклин выдвинул тезис о том, что сохранение государственного порядка и государственного авторитета в значительной степени обеспечивается суеверными представлениями народа, которые он, между прочим, называет «дурным средством для достижения благой цели». Одним из таких суеверных представлений Фрэнклин считает распространенное мнение о том, что руководители всегда воспринимаются как люди высшего порядка[107]. Социальная история последних 50 лет указывает на то же явление: власть партийных лидеров над массами основывается помимо выделенных нами факторов на широко распространенном квазирелигиозном благоговении перед лидерами, точнее, перед их формальным воплощением, в то время как к их личностным качествам уважения значительно меньше.

Зачастую это преклонение подчиненных перед лидером носит латентный характер, то есть проявляется едва уловимо: в осторожных интонациях, с которыми произносятся имена почитаемых, безропотности, с которой воспринимаются все их слова, негодовании в ответ на любое сомнение в действиях руководства. В случае особого обаяния лидера или в секунды глубокого эмоционального напряжения латентная страсть резко превращается в настоящий пароксизм. Пылкие рейнцы в 1864 году встречали Лассалья как бога: на улицах были развешаны гирлянды. Юные девушки осыпали его цветами. Экипаж президента сопровождал целый кортеж. Выступления триумфатора, во многих отношениях выдающиеся, но вызывающие критику и исполненные самонадеянного шарлатанства, были встречены всеобщим нескончаемым, неограниченным ликованием. Это действительно были триумфальные шествия. В них было все. Были и триумфальные арки, и приветственные гимны, и торжественные приемы иностранных делегаций [108]. Лассаль был тщеславен «на широкую ногу». И как позже говорил Бисмарк, не проясненным для него остался вопрос, на ком должна была закончиться история немецкой королевской власти: на Гогенцоллернах или на Лассале [109]. Неудивительно, что из-за вышеописанной обстановки фантазия Лассалья была так взбудоражена, что незадолго до этого он мог восторженно поклясться своей невесте, что когда-нибудь станет избранным президентом немецкого народа и в карете, запряженной шестеркой белых лошадей, торжественно въедет в столицу империи [110].

В период формирования первых крестьянских союзов «фашио» на Сицилии (1892) крестьяне доверяли лидерам движения с почти религиозной преданностью. Они ассоциировали общественные вопросы с религиозными обычаями и приносили на демонстрации распятия вместе с красными флагами и транспарантами с цитатами Маркса. Выступления лидеров движения сопровождалась музыкой, факелами и цветными фонариками [111]. В знак приветствия многие падали на землю в порыве слепого благоговения, точно так же они поступали, приветствуя своего епископа [112]. Один буржуазный журналист задал пожилому крестьянину, состоящему в социалистическом фашио, вопрос, не боятся ли пролетарии, что Джузеппе де Феличе Джуффрида, Гарибальди Боско и другие молодые студенты и юристы, несмотря на свое буржуазное происхождение, все же работают на фашио, и не стремятся ли они таким образом лишь захватить места в городском совете. На что крестьянин ответил: «Де Феличе и Боско – ангелы, сошедшие с небес!» [113]

Возможно, не всякий рабочий ответил бы на этот вопрос подобным образом, но сицилийцы всегда славились своим почитанием героев. До сих пор на Юге и частично в Центре Италии, о чем знает любой посвященный, к лидеру относятся с религиозным благоговением. В Калабрии Энрико Ферри воспринимают как святого защитника от каморры. В Риме, где все еще сохранились классические языческие формы, в одной из пивных Ферри чествовали как величайшего из величайших, именем всех «пролетарских квиритов» за то, что в приступе гнева в знак протеста против наложенного на него административного штрафа он разбил окно парламентского зала заседаний, чтобы привлечь к себе внимание председателей палаты (1901) [114]. Однако такое отношение не ограничивается отсталыми регионами и не должно восприниматься как атавизм примитивной психологии. Это доказывает идолопоклонническое обожание, которым окружен в департаменте Нор – самой развитой промышленно-капиталистической части Франции – марксистский пророк Жюль Гед. В английских рабочих кварталах до сих пор разыгрывают сцены приветствия партийных

лидеров, достойные времен Лассалья[115].

Почитание лидеров сохраняется и после их смерти. Величайших из них канонизируют. Культ имени Лассалья, созданный не только фракцией графини Хатцфельд, но и «мужской линией» Немецкого рабочего союза (Швейцер), стал важнейшим фактом истории современного рабочего движения. Фанатичный энтузиазм марксистов, с которым они защищают Маркса по сей день, постепенно превращается в идолопоклонство. Когда-то христиане называли новорожденных в честь святых Петра и Павла, сегодня же в значительной части Центральной Италии, где силу набирают социалистические партии, родители-социалисты все чаще называют своих младенцев Лассало или Марксина. Передача имен великих почивших предводителей новым поколениям – символ новой веры. Вокруг этого идет исполненная важности и многострадальная борьба с недовольной родней и упрямыми государственными регистраторами, которая часто оборачивается плачевными экономическими последствиями, потерей работы и т. д. Пока это признак хвастливого, распространенного даже в рабочих кругах снобизма, а чаще – внешнее проявление внутреннего идеализма[116].

Но всякий раз вне зависимости от причин это проявление безграничной преданности и уважения к лидеру, сделавшему так много во благо партии. На этой почве возникают и рекламные каламбуры: «Ликер “Карл Маркс”» или «Пуговицы от Карла Маркса», объявления о продаже которых можно встретить в американских, итальянских или южнославянских социалистических газетах. Изобретательные торговцы при первой же возможности выставляют их на продажу на рабочих праздниках или собраниях [117]. Торговля ими приносит неожиданно хорошие деньги, что как нельзя красноречиво говорит о душевном состоянии пролетариата.

Массам свойственна глубокая потребность в подчинении. Их примитивному идеализму необходимы земные боги, которых они будут обожать тем беззаветнее, чем невыносимее будет становиться их жизнь. Парадоксальное замечание Бернарда Шоу о том, что аристократия – это всегда группа идолов, а демократия – в противовес ей – группа идолопоклонников, не лишено зерна истины [118]. Зачастую потребность в поклонении – единственный *rocher de bronze*, который способен пережить все изменения в мировоззрении масс. Фабричные рабочие Саксонии в последние десятилетия превратились из благочестивых протестантов в социал-демократов. Возможно, с этим превращением и была связана переоценка ими своих ценностей. Но даже если так, они всего лишь повсеместно заменили изображение Лютера портретом Бебеля. В итальянской Эмилии, где крестьянские рабочие переживают те же изменения, святую Мадонну потеснил великий Прамполини, на Юге Италии веру в закипающую кровь святого Януария заменила вера в нечеловеческую силу бича каморры – Энрико Ферри. Под руинами устаревших мировоззрений масс осталась нетронутой триумфальная колонна потребности в преклонении. Массы относятся к своим предводителям так же, как античный скульптор к созданной им скульптуре Юпитера-Громовержца, перед которой он молитвенно рухнул на колени. Преклонение, однако, порождает в объекте культа манию величия[119]. Безграничное, не лишённое комичности высокомерие, которое мы нередко встречаем у некоторых лидеров современных масс, рождено не только их самодостаточностью, но и восторженным благоговением массы. Высокомерие, однако, обладает сильным суггестивным влиянием и потому, в свою очередь,

воздействует на массы и благодаря их восторгу и вдохновению становится новым источником власти.

ГЛАВА V. Дополнительные лидерские качества

Одно из важнейших лидерских качеств, особенно на начальных этапах формирования рабочего движения, – ораторское искусство. Никакая масса не может игнорировать эстетические и эмоциональные достоинства речи. Силой слова можно вдохновить массы, а вдохновенность подчиняет их оратору [120]. В этом суть демократии, которая стремится к массовому воздействию – как устному, так и письменному: слово в этом отношении обладает невероятной политической мощью. В демократической системе журналисты и ораторы – прирожденные лидеры. Франция: Гамбетта, Клемансо; Англия: Гладстон, Ллойд Джордж; Италия: Криспи, Луцатти. В государствах с демократической формой правления бытует мнение, что лишь тот, кто наделен ораторским талантом, способен управлять делами государства[121]. То же верно и для больших демократических партий. Во Франции Эрнест-Шарль в ходе изучения условий труда депутатов сделал наблюдение, согласно которому почти все представители молодых и неистовых прогрессивных демократических партий – красноречивые журналисты. Это касается и социалистов, и националистов, и антисемитов[122]. Современная история политического движения рабочих подтверждает это наблюдение[123]. Жорес, Гед, Лагардель, Эрве, Бебель, Ферри, Турати, Лабриола, Рамзи МакДональд, Трульстра, Генриетта Роланд Холст – все они, каждый по-своему, – выдающиеся ораторы.

Уважение, которое оратор внушает аудитории, безгранично. При этом массы ценят именно ораторские способности говорящего как таковые: красоту или мощь его голоса, находчивость, чувство юмора. На содержание они не обращают особого внимания. Крикун, который, как ужаленный, бегаёт с места на место, чтобы распинаться перед народом – как жаловался один из итальянских социалистов, – производит впечатление прилежного, «деятельного» боевого товарища, тогда как на того, кто, сидя за столом, решает действительно важные вопросы и больше работает, чем говорит, смотрят свысока и редко воспринимают всерьёз[124].

Разумеется, притягательная сила ораторского искусства воспринимается массами как увертюра к длительному периоду разочарования из-за того, что за ней, как правило, следуют невыразительные поступки или подлый характер говорящего. Но зачастую массы, поддавшиеся очарованию оратора, настолько загипнотизированы, что видят в нем, словно в увеличительном зеркале, самих себя [125]. Их удивление и восхищение говорящим в результате оказывается восхищением самими собой, которое создает оратор, выступая и обещая действовать от имени масс, то есть от имени каждого отдельного слушателя. Властные полномочия, которые толпа передает оратору, возникают из неосознанного эгоизма.

Личностные качества, благодаря которым один человек берет верх на массами и которые можно, таким образом, рассматривать как лидерские качества, весьма разнообразны. Необязательно, чтобы у лидера они присутствовали все до единого. Необходима прежде всего энергия воли, которая подчиняет себе более слабую волю; располагают и выдающиеся знания, непреложная сила убеждения, сила идей, которая часто граничит с фанатизмом и своей интенсивностью удерживает внимание масс, добросовестность, уверенность в себе, иногда даже граничащая с высокомерием, которое передается слушателям[126]. В единичных случаях к этим качествам даже относятся доброта и бескорыстие, то есть качества, которые напоминают массам об Иисусе Христе и с новой силой пробуждают в них не умершие, но дремавшие религиозные чувства.

Больше всего, однако, массы подвержены воздействию популярности. Влияние одного мнения на другое всегда осуществляется только при поддержке еще нескольких мнений, в результате эти ощущения отражаются в ощущениях индивида, даже без его ведома[127]. Поэтому известному человеку для создания политического образа достаточно лишь взмахнуть рукой. Предложить известному человеку почетную должность в партии – это большая честь для масс.

Массы сгибаются перед славой в три погибели. Любой, чью голову венчает лавровый венок, а *proci* воспринимается ими как полубог. Если он снизойдет до того, что захочет взять на себя власть, ему обеспечено восхищение масс, их восторг, и совершенно не важно, находится ли тот лесок, в котором он нарвал лавр для своего венка, в сфере их интересов, граничит с ней или вовсе ее не касается. Разбудить массы рабочих, которые так сладко спят на буксире государственной демократии, и собрать их вокруг себя удалось только такому прославленному поэту, философу и поборнику слабых, как Фердинанд Лассаль. Лассаль и сам прекрасно осознавал и ценил пропагандистское влияние, которое оказывало на рабочих его громкое имя, он неустанно этим пользовался [128]. В Италии стоило только известному молодому профессору, создателю современного уголовного права Энрико Ферри представиться членам рабочей партии (на съезде в Эмилии в 1893 году), как ему тут же доверили руководство партией на 15 лет вперед. То же самое произошло со всемирно известным антропологом Чезаре Ломброзо и выдающимся писателем Эдмондо де Амичисом. Стоило им только отправить поздравительные телеграммы и в письменной форме выразить симпатию социалистической партии, как один из них был избран первым партийным советником, а второго возвеличили до «официального Гомера пролетариата». Философ и радикальный политик Жан Жорес, равно как и известный писатель Анатоль Франс, безотлагательно получили места в первых рядах французского рабочего движения, стоило им только там появиться. Английский поэт Уильям Моррис начал пользоваться большим успехом среди пролетариев, как только под конец жизни решил посвятить себя социалистической агитации, равно как и голландские поэты Герман Гортер и Генриетта Роланд Холст, решившие примкнуть к социал-демократам. В молодой Германии великие люди, находящиеся в зените своей славы, пока не рискуют переходить Рубикон социализма. Однако нет никакого сомнения в том, что, вступи Герхард Гауптман после успеха его «Ткачей» или Вернер Зомбарт после его сенсационного дебюта в ряды социал-демократов, вскоре они уже возглавляли бы три миллиона человек. В глазах народа ничто не дает большего права претендовать на власть, чем поддержка со стороны ставших своими знаменитостей. Они уже «прибыли». Рядовые члены партии инстинктивно предпочитают

тех, кто оказался в партии, уже имея славу и полное право на бессмертие, а вовсе не своих лидеров, которые заработали имя своей партийной деятельностью, после долгих лет тяжелой и упорной работы. Привнесенная слава значит для них куда больше, чем заслуженная.

Но нельзя упоминать это явление, не упомянув и другие, сопутствующие ему. Опыт учит нас, что между лидерами, сформировавшимися внутри партии, и теми, кто пришел извне, возникают разногласия, которые вскоре принимают форму полноценной борьбы за гегемонию. С одной стороны, ее причина в зависти, с другой – в мании величия. Но ее можно объяснить также тактическими и материальными причинами. Преимущество большого человека, ставшего большим внутри партии, в том, что он знаком с психологией масс и историей движения, он знает, как устроена программа партии, в отличие от того, кто снискал себе славу «на стороне».

В борьбе между двумя слоями партийного руководства можно выделить два этапа. Сначала вновь прибывшие лидеры пытаются вырвать власть из рук партийных руководителей, оттесняют их и под одобрительные возгласы толпы проповедуют собственное Евангелие, озаренное светом извне. В это время старые лидеры с остервенением хватаются за оружие и, объединившись – сначала незаметно, – переходят в контрнаступление. Здесь на их стороне количественное преимущество. Новые лидеры часто напуганы, так как оказываются неготовыми противостоять этим опытным воинам, которых они в глубине души презирают. Поэты, ученые, эстеты не очень знакомы с тактикой ведения боя и этим дискредитируют себя в глазах масс, они не привыкли к постоянному противостоянию. История заканчивается всегда одинаково: «большие люди» с разочарованием и злобой покидают партию или кое-как продолжают агитационную работу самостоятельно. В любом случае их оттесняют на задний план. Фердинанд Лассаль уже встречался со своим Юлиусом Фальтайхом. Ему почти удалось избежать борьбы, но, проживи он чуть дольше, ему бы не удалось избежать ожесточенных боев с Либкнехтом и Бебелем. Уильям Моррис после разрыва с лидерами английской рабочей партии руководил небольшой гвардией интеллектуалов в Хаммерсмите. Энрико Ферри, поначалу столкнувшийся с холодным недоверием старых лидеров партии, допустил несколько теоретических и практических ошибок, которые в итоге уничтожили его шансы стать партийным руководителем. Гортер и Генриетта Роланд Холст после нескольких лет вдохновенной работы были загнаны в угол партийной администрацией.

Власть славы, завоеванной за пределами самой партии, всегда недолговечна. Совершенно не важен возраст руководителя партии. Раньше говорили, что седина – венец славы. Однако сегодня в огромном опыте уже нет нужды, потому что нам доступно невероятное количество формальных элементов просвещения, и даже молодежь в течение короткого времени может освоить все сокровища знания[129]. Сейчас возраст уже потерял свою ценность и, следовательно, уважение, которое внушал, влияние, которое оказывал. Можно было бы сказать, что почтенный возраст мешает продвижению в партии, как он мешает в любой другой карьере, которую стоит начинать в молодости, так как эта лестница слишком длинна. Это актуально, по крайней мере, для хорошо организованных партий или партий, куда стремится попасть множество людей. Конечно, все иначе для тех, кто состарился на посту руководителя партии. Возраст здесь – один из важнейших элементов власти. Молодость подчиняется зрелости. Не только из-за благодарности масс, но из-за того, что пожилой руководитель значительно лучше разбирается в своем деле. Давид Юм

рассматривал проблему превосходства пожилых в сравнении с молодыми на примере сельского хозяйства. На урожай влияют солнце, дождь и почва, и с опытом можно научиться понимать эти закономерности и управлять ими[130]. То же верно и применительно к пожилым руководителям партий. Им известны взаимосвязи между причинами и результатами массовой политики, к тому же на практике они более чутки по сравнению с молодежью.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:43:53

Зверобой обновил 19 января 2026 23:44:30